

ЛІНГВОСТИЛІСТИКА

УДК 821.111-1.09

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА И СТИЛЯ ПОЭТОВ-“ЛЕЙКИСТОВ”

В.Ф. Антонова, канд. филол. наук (Харьков)

В статье рассматриваются особенности языковых и стилиевых средств в произведениях В. Вордсворта и С. Кольриджа. В. Вордсворт стремился расширить рамки традиционной поэзии, наполнив её психологической глубиной, значительно обновив и вместе с тем упростив арсенал её художественных средств. Большинство произведений С. Кольриджа написаны стихотворным размером английских народных баллад, с приёмами форм-повторений. В целом, поэзия автора объединяет музыкальные, словесные и живописные возможности с целью более полной передачи чувств, настроений, душевного состояния человека.

Ключевые слова: метафора, стиль, художественные средства, эпитеты, язык.

Антонова В.Ф. Особливості мови і стилю поетов-“лейкистов”. У статті розглядаються особливості мовних і стилевих засобів у творах В. Вордсворта і С. Кольриджа. В. Вордсворт прагнув розширити рамки традиційної поезії, наповнивши її психологічною глибиною, значно відновивши і в той же час спростили арсенал її художніх засобів. Більшість творів С. Кольриджа написані віршованим розміром англійських народних балад, з прийомами форм-повторень. У цілому, поезія автора об'єднує музичні, словесні і живописні можливості з метою повнішої передачі відчуттів, настроїв, душевного стану людини.

Ключові слова: метафора, стиль, художні засоби, епітети, мова.

Antonova V.F. The peculiarities of the language and style of the “lake” poets. Peculiarities of language and style are examined in W. Wordsworth's and S. Coleridge's works. W. Wordsworth tried to expand the frames of traditional poetry, having filled it with psychological depth, considerably having updated it and at the same time having simplified an arsenal of its art means. The majority of S. Coleridge's works are written by a meter of English folk songs, with means of form repetitions. On the whole, the authors' poetry unites musical, verbal and picturesque possibilities with the purpose of more complete rendering of feelings, moods, states of mind of a person.

Keywords: metaphor, style, artistic means, epithets, language.

В современной науке интерес исследователей к эпохе британского романтизма постоянно растет. Многие учёные занимаются изучением актуальных вопросов, связанных с романтическим направлением, а именно анализом языковых и стилиевых средств (Ф. Остин, Д. Биалостовский.). В связи с этим актуальным является исследование языковых и стилиевых средств: собственно текстовых (тропы, поэтический синтаксис, композиционные и сюжетные решения и др.) и внетекстовых (мотивов, символов, циклов, и т.п.) в произведениях английских романтиков.

Объект статьи – произведения В. Вордсворта “We are Seven”, “The Solitary Reaper”, “The Rime

of the Ancient Mariner” С. Кольриджа.

Предмет статьи – рассмотрение языковых и стилиевых средств в произведениях В. Вордсворта и С. Кольриджа. Целью является определение стилиевых и языковых средств, которые проявляются в создании фантастических образов с помощью метафор и сравнений, что делает образы реальными и осязаемыми.

Материал. Первый этап английского романтизма представлен так называемой “The Lake School of Poets”, объединившей английских поэтов-романтиков, живших на севере Англии, в “краю озёр” (графства Уэстморленд и Кэмберленд). Яркие представители “озёрной школы” – С. Кольридж,

© Антонова В.Ф., 2013

В. Вордсворт – внесли в европейский литературный процесс удивительные новации в интерпретации и воссоздании художественной реальности. Благодаря данным поэтам поэзия стала более радикальной. Противопоставив своё творчество классицистической и просветительской традиции XVIII века, “лейкисты” осуществили романтическую реформу в английской поэзии.

Первое совместное произведение В. Вордсворта и С. Кольриджа – сборник “Lyrical Ballads” (1798), который явился программным. В нем задекларирован отказ от старых классицистических образцов и провозглашение демократизации проблематики, расширение тематического диапазона, новаторство в системе стихосложения. Романтическое мировосприятие формировалось, с одной стороны, под влиянием неприятия буржуазной цивилизации, а с другой – в результате критического осмысления трагического опыта Французской революции.

В. Вордсворт называет своё стихотворение “The Solitary Reaper”, и уже в первой строфе это название повторяет четыре раза, но каждый раз даёт уточнение новым синонимом (single, solitary, by herself, alone). Девушка, занимающаяся тяжёлой и нудной работой, поёт свою песню, и автор чувствует в ней инстинктивную любовь к красоте, что характеризует одарённую натуру. И читатель понимает это, потому что автор позволяет ему увидеть красоту и богатство голоса и природы девушки (это богатство настолько огромно, что “the vale profound/is overflowing with the sound”). Богатство звука создаётся с помощью метафоры-глагола overflow (в другом случае – flow) и гиперболическим утверждением, что конца песни не было, а также тем, что случайный слушатель продолжал стоять (“motionless and still”) и слушать музыку, которая продолжала звучать, когда он уже не мог слышать её. Богатство мелодии также выражается частым повторением слов “sing” и “song” (четвертая строфа: sang – song – singing), такими сонорными согласными, как *n*, *m*, особенно в сочетаниях, типа – *ng*, *nt*, *nd* (в первых четырех строках второй строфы различные сочетания с *n* встре-

чаются 11 раз в 18 словах, или, в первой строфе 18 раз в 33 словах). Из 32 строк поэмы только в 6 строках сочетания с согласным звуком *n* используются два раза, из этих шести строк – три основываются на аллитерации согласного звука *m*, что также создает музыкальный эффект (“Or is it some more numble lay, / Familiar matter of to-day” и “The music in my ear I bore”). Читатель понимает, что песня девушки очень грустная, так как автор использует эпитеты “melancholy”, “plaintive”, а также слова “unhappy things”, “sorrow, loss or pain”. Девушка, “изливающая душу” в музыке, ни на минуту не оставляющая свою работу, олицетворяет собой смелость и храбрость. Автор описывают жницу простыми словами, поэтому возвышенной, поэтической лексики в поэме очень мало (behold, yon, solitary, chaunt, haunt, lay). Остальные – слова, употребляемые в повседневной жизни: reap, cut, bind, grain. Но и эти простые слова приобретают поэтическую семантику. Например, В. Вордсворт представляет свою героиню лексемой “lass” – это слово не представляет литературной ценности и используется только в шотландском диалекте. Но, обращаясь к героине как к “maiden” в конце поэмы, автор показывает эстетическое равенство деревенского “lass” и более нейтрального “maiden”. Простота стиля достигается простотой образов. “The vale overflowing with the sound” – один из самых заметных художественных образов; звуки (или “numbers”), которые “текут” (“flow”) – метафора, уже устоявшаяся в языке, но у В. Вордсворта она звучит по-новому. С фразой “breaks the silence of the sea” устоявшаяся метафора “broken silence” обновляется. Богатство мелодии также усиливается частым повторением слов “sing” и “song” (четвертая строфа: sang – song – singing), такими сонорными согласными, как *n*, *m*, особенно в сочетаниях, типа *ng*, *nt*, *nd* (в первых четырех строках второй строфы различные сочетания с *n* встречаются 11 раз в 18 словах, или, в первой строфе 18 раз в 33 словах). Из 32 строк поэмы только в 6 строках сочетания с согласным звуком *n* используются менее двух раз, из этих шести строк – три основываются

на аллитерации согласного звука *m*, что также создает музыкальный эффект (“Or is it some more numble lay, / Familiar matter of to-day” и “The music in my ear I bore”). Различия между мелодией соловья и кукушки тоже определяется музыкально, звук *n* превалирует в описании соловья, а звук *r* – в описании кукушки. Похожие синтаксические параллели между строками, заканчивающимися обе половины второй строфы (“Among Arabian sands”, “Among the farthest hebrides”) подчеркнута повторение согласных *m – ng – r – b – d – s*. Постепенное увеличение открытости гласных в фразе “Old unhappy far-off thing” ([ ] – [ ] – [a:]), а также в “The music in my ear I bore / hong after it was heard no more” создают впечатление увеличения звука, выражая его полноту и богатство. Красивые картины с соловьем, поющим для путешественников, и кукушкой, чей голос слышен из-за моря (поэтическая ценность этой детали важнее, чем информативная ценность), – на самом деле являются сравнениями, но представлены они не в традиционном виде (как, например, “the reaper’s song is as welcome and as thrilling as...”), а как поэтические параллели. Простота, вариативность и повторения в стихотворении очень важны, так как они передают впечатление от звучащей песни. Эмоциональности и экспрессивности балладам придает инверсия, часто встречающаяся у ранних британских романтиков. Например, в балладе В. Вордсворта “We are Seven” инверсия также придает высказыванию маленькой девочки интонацию живой речи, динамичность и особую доверительную простоту: “Two of us in the church-yard lie, // My sister and my brother / And, in the church-yard cottage, I dwell near them with my mother” [6, с. 96]. У поэтов-романтиков была общая тенденция к повышенной, острой эмоциональности стихов и к стремлению передать эмоционально окрашенными словами острые переживания и впечатления: “love”, “joy”, “pain”, “light” т.д. В. Вордсворт объяснял, что выбирал сюжеты и образы из простой деревенской жизни, используя язык простых людей: “Главная задача этих стихотворений состояла в том, чтобы отобразить случаи и ситуации из повседневной жизни

и пересказать или описать их, постоянно пользуясь, насколько это возможно, обыденным языком, и в то же время расцветить их красками воображения, благодаря чему обычные вещи предстали бы в непривычном виде...” [2, с. 262]. В предисловии к “Lyrical Ballads” В. Вордсворт писал: “Я старался подражать и, насколько возможно, воспроизвести не что иное, как обычный разговорный язык людей; персонификации же вовсе не являются естественной и составной частью этого языка. Они являются стилистическим приемом, иногда подсказанным чувством, и в этом качестве я пользовался ими; но я постарался полностью отказаться от них как от шаблонного стилистического приема или как от особого языка, на котором будто бы должны изъясняться поэты” [2, с. 265].

Раскрытию философских понятий добра и зла служит система образов “The Rime of the Ancient Mariner”. Чувство чего-то великого и неизвестного, лежащего в основе реального мира и всего, что с этим миром происходит, вера в то, что малейшая жестокость (даже по отношению к птице) является наказуемым преступлением против природы, определяет символический характер системы образов. Солнце у С. Кольриджа прекрасно, “like God’s own head”, подчеркивая его красоту, совершенство, справедливость и милосердие, но позже, когда повествуется о наказании Морехода, то же солнце уже “bloody” – зловещий эпитет, сообщающий читателю о страданиях и даже жестокости. Беспомощность и неподвижность, причиняющая морякам боль, переданы ярким сравнением: “As idle as a painted ship upon a painted ocean” [6, с. 180]. Разбитый корабль словно утрачивает чувство реальности, он попадает в смертельную летаргию и кажется нарисованным на картине. Так, метафорический эпитет “copper sky” передает цвет и жар, идущие от светила; сравнение воды, кипящей, как “like a witch’s oils” (глагол “burn” использован метафорически в связи с игрой цвета), показывает, что ужасы, которые видят моряки, реальны и практически физически ощутимы. Тот же эффект достигается сравнением пересохшего горла с тем, как человек задыхается от сажи. В произ-

ведениях С. Кольриджа слова чаще употребляются в буквальном значении, но в то же время они приобретают символический смысл. Так, например, когда С. Кольридж упоминает землю “mist and snow”, с которой злой дух начинает преследовать корабль, слова передают прямое значение, так как туманы и снега были действительно характерны для той земли (возможно, Арктики или Антарктиды), но в сочетании с “copper sky” и “bloody” солнцем они символизируют невыносимую боль, причиненную морякам. Контрасты чрезвычайной жары и абсолютного холода подчеркивают мучительное воздействие на человека, на его физическое и психическое состояние. То же самое можно сказать про строфу: “Water, water everywhere, // And all the boards did shrink, // Water, water everywhere, // Nor any drop to drink.” [5, с. 190]. В поэме часто встречаются аллюзии и реминисценции из Библии. Так, “instead of the Cross the Albatross about my neck was hung” [5, с. 189] ассоциируется с “печатью Каина”, крестом, выжженном, по преданию, на челе Каина и Вечного Жида. С. Кольридж впервые создал в английской поэзии образ героя, отчужденного от мира и испытывающего страдания одиночества. “Beyond the shadow of the ship” здесь также реминисценция из Библии: “Оставляет за собой светящуюся стезю; бездна кажется сединою” [1, с. 567 гл. 41, 24]. С. Кольридж часто использует повторы для придания значительности и драматизма повествованию. Так, первая и вторая строфы части II имеют параллели с началом поэмы. Строфа, рассказывающая о том, как постепенно встает солнце, незначительно отличается от шестой строфы части I:

Часть I	Часть II
The sun came up upon the left,	The sun now rose upon the right,
Out of the sea came he,	Out of the sea came he,
And he shone bright, and on the right	Still hid in mist, and on the left
Went down into the sea.	Went down into the sea.

Параллельная конструкция усиливает контраст, а контраст, в свою очередь, подчеркивает строгий

параллелизм всей структуры. Например, также можно сравнить:

Часть I	Часть II
And a good south wind sprung up behind,	And the good south wind still blew behind,
The Albatross did follow,	But no sweet bird did follow,
And every day, for food or play, for food or play,	Nor any day
Came to the mariners' hollo.	Came to the mariners' hollo.

Речь Морехода взволнованная, эмоциональная, содержит устаревшие фразы типа “well-a-day”, “work`em woe” и грамматические формы “uprist” (вместо “uprose”), “we did speak”. Это создает впечатление отдаленности во времени и доказывает, что Мореход – человек прошлого. В речь Морехода проникают слова других моряков, в форме прямой речи (“Ah wretch! Said they, the bird to slay...”), Мол, проклят тот, кто птицу бьет, так и непрямой (“And I had done a hellish thing, // And it would work`em woe”). Эти вкрапления чужого слова отражают мысли не самого морехода, а то, что он слышал (или догадывался), как другие говорили и думали о нем.

Достоверность образа Морехода подчеркивает балладный размер, который соответствует речи простого человека, что является характерным и для народного поэтического творчества. Но С. Кольридж вводит в балладный размер новаторские элементы, в частности, он обогащает ресурсы английской просодии введением ритмической инверсии, в результате которой в стопе ямба или хорее меняются местами ударные строки. Например: “The sun now rose upon the right // Out of the sea came he...” [5, с. 189].

Постоянство темы подчеркивается также повторами (например, “Into that silent sea” и далее “The silence of the sea”). Музыка, цветовая гамма (“green, and blue and white”), разнообразие ритма, повторы, использование просторечия – все это играет большую роль в воссоздании страшной реальности символического рассказа. Вряд ли мож-

но свести глубинную идею поэмы С. Кольриджа “The Rime of the Ancient Mariner” к расплате моряка за убийство таинственного альбатроса и к завершающей его рассказ сентенции о любви ко всем земным тварям как лучшем способе угодить Богу. Убийство альбатроса было введено в поэму как внешняя, вещественная мотивировка тяжелых испытаний, выпавших на долю старого моряка, и его спутников-матросов.

Таким образом, “лейкисты” выступали за замену силлабической системы стихосложения, более приемлемой для норм английского языка тонической системой, смело вводили в употребление новые лексические формы, разговорные интонации, развернутые метафоры и сравнения, сложную символику, подсказанную поэтическим воображением, отказываясь от устоявшихся традиционных образов.

Перспективой анализа является раскрытие своеобразия индивидуальных стилей авторов

и их художественных новаций, их вклад в историю развития европейского романтизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Книга Иова // Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового завета канонические : в рус. переводе с параллел. местами и приложениями. – Chicago, 1989. – С. 538–568.
2. Литературные манифесты западноевропейских романтиков ; под ред. А.С. Дмитриева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 639 с.
3. Austin F. The language of Wordsworth and Coleridge / F. Austin. – Basingstoke (Hants.); London : Macmillan, 1989. – 204 p.
4. Bialostovsky D.H. Making tales: the poetics of Wordsworth’s narrative experiments / Don H. Bialostovsky. – Chicago : University of Chicago Press, 1984. – 208 p.
5. Coleridge S.T. The complete poetical works. Vol. 1 / S.T. Coleridge. – New York : Adamant Media Corporation, 2007. – 492 p.
6. Wordsworth W. The collected poems Wordsworth: edition limited / W. Wordsworth. – London : Wordsworth Editions Limited, 1995. – 1082 p.